

Лотте Гесс

А в Питере дворы и переулки,
скрипят изголодавшиеся утки,
и сумерки городят огород
под фонарями. Женщина поёт,
и белым дымом оседают звуки

на эрмитажи и многоэтажи.

«Стояла между нами, как на страже,
слоистая и твёрдая вода». —

«Да, любимая, да!»

Я помню эту женщину земную,
звериную, звенящую, незлую,
застольную беседу о простом.
Спасёмся ли молитвой и постом,
как журавли на севере зимуют?

Что хлеба запах, что сегодня вторник,
что первый том пропал, а был двухтомник.

«Предчувствиям не верю, и примет...» —

«Нет, любимая, нет!»

А в Питере дорога стелет мелом
и музыкой. Не достигаая тела,
проходит жизнь. И кажется, вот-вот
наступит сон, и женщина поёт,
как никогда до этого не пела.

Вот не станет тебе меня,
Переулочная семья,
И Москва моя золотая
Живо дырочку залатает.

Приголубит других за то, что
Прорастут, приберут, затопчут.
Север западный, юг восточный.

Ни заплаты по мне, ни штопки,
Просто так позабыли чтобы.

Бесмысленно и незаслуженно,
Но хорошо
Всё то, что на земле разбуженной
Произошло.

Рябит вода в осоке утренней.
Где дно темней,
Там рыба бьётся перламутрово
Среди камней.

Поют и лают твари парные.
С ягнёнком — лев.
Нет у земли могильной памяти,
Но зреет хлеб.

А яблоко, гнилое, позднее,
Пускает сок.
И больше ничего не создано,
И вышел срок.

Погляди повнимательней,
Зверь человечесий:
Это горе не вечно,
Как город не вечен.

Всё, что в небо росло,
Голосило и пело, —
Старых зданий на слом
Обречённое тело.

Эта мука осенняя
Длится и длится,
И желтеют, как листья,
Оконные лица.

Окна знают, по ком
Загораются свечи
На земле упокоенной,
Зверь человечесий!

● ● ●
Просьпается город заиндеветший,
И я, не последний в нём человек,
Собираю в рюкзак какие-то вещи—
Впрочем, может, они пригодятся в дальнейшем,—
А над городом снег, снег, снег...

Через полчаса отходит последний скорый
В тёплую южную сторону Абакана.
Этот город подарил мне столько любви и скорби,
Жажды столько же, сколько опустошённых гранёных стаканов.

А за окном поплывут такие чужие пейзажи,
Что мне до рези в пальцах захочется остановить поезд.
Только на этой железной дороге до сих пор не выдумали стоп-кранов, и даже
Пить и буяннить—без пользы...

И кто-то много позже поймёт с непреодолимой чёткостью,
Что догнать меня уже не представляется возможным.
Как жаль, что через полчаса мой плацкарт не уйдёт порожним,
Соседей жаль, проводников, ну и ещё чо-то там.

А поезд почти равнодушно протарахтит по рельсам,
Потом достигнет дальнего перевала...
И через пару минут кто-то перестанет даже надеяться
На то, что я когда-то реально существовала.